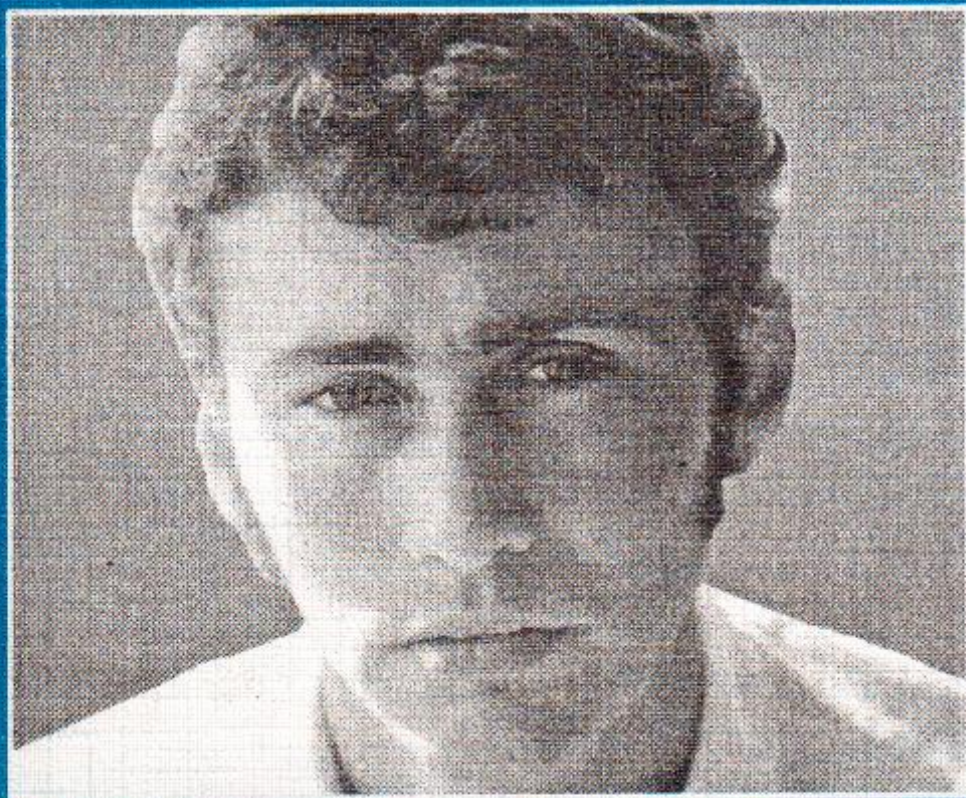

Михаил ФЕДОРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

СТИХИ

**г. Новоржев
1999 г.**

Составитель Н. М. Федорова

ФЕДОРОВ М. И.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Стихи

Издание осуществлено на средства Комитета по культуре Администрации Псковской области

© М. И. Федоров

*...Мы откуда, мы родом из этого.
Как трава, в это небо вросли.
И не надо нам края запретного,
Кроме краешка этой земли.*

М. ФЕДОРОВ

МИХАИЛ ФЕДОРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Стихи

г. Новоржев
1999 г.

ОСТАВАЙСЯ С НАМИ, МИХАИЛ!..

Сердечный приступ начался неожиданно. Боль в груди, удушье, вялость. Михаил уже знал, что это такое. Три недели назад также вечером по дороге домой внезапно грудь обожгло внутренним огнем. Он остановился, замер, а потом медленно, но упрямо пошел дальше. Привычные полтора километра до дома он шел почти час. Двадцатиградусный мороз, на улице вокруг ни одного человека. Вдруг сделалось страшно, что не дотянет до дома, упадет и никто не придет на помощь.

Переступил порог квартиры, бросил сумку и прямо в одежде рухнул на диван. Перепуганная жена Тамара вызвала «скорую». Сделали все необходимое в таких случаях. Потом, уже ночью, еще раз приезжала врач, говорила, что обязательно надо ложиться в больницу.

Но он, отлежав день дома, почувствовал облегчение, вышел на работу. И уже больше

не жаловался на сердце. Более того, жена заметила его активность в делах: Михаил спешил как можно быстрее собрать материалы для очередного выпуска альманаха «Костер у Сороти», который обещали издать к знаменательной дате – 200-летию А. С. Пушкина.

В свой последний день, восьмого декабря 1998 года, Михаил также многое успел сделать. Утром беседовал со служителями возводимой в Новоржеве церкви – решались неотложные проблемы, позже отнес в редакцию районной газеты написанную к юбилею старейшего новоржевского поэта Ивана Федорова статью; посетил в больнице друга Алексея Иванова.

И вот вечер. Та же неспешная дорога домой. Тамара обещала вернуться из Пскова не раньше восьми. Успеет встретить...

Когда он почувствовал себя плохо, близкие теперь никогда не узнают. Но о чем были последние мысли, мы почти знаем. Тамара вспоминает: «В последнее время он стал бояться, что когда-то не дойдет...»

Возможно, и в этот раз надеялся, что все закончится благополучно, как тогда, в ноябре. Превозмогая боль, задыхаясь, он, наверно, намечал для себя одну за другой цели. Последним ориентиром стал «святой коло-

дец» возле почти уже построенного с его участием храма. У этого колодца совершаются водосвятные молебны. Он присел на скамеечку, взглянул на церковь, на светящиеся окна близкого дома. Встать сил уже не было. И, может, сказал про себя: «Значит, не дошел...»

То была великая беда в семье Федоровых. А похороны показали, как много было у Михаила друзей, сколько земляков испытывали к нему добрые чувства на весах нравственности.

Родился Михаил Иванович Федоров в 1947 году в маленькой деревушке Лосковское, что стоит на берегу Сороти. Уже после войны было ясно, что селение это обречено, а в 1967-м электрификаторы отказались проводить сюда свет. Места здесь красивые: река делает изгиб, широко разливается весной, а какие дали открываются... Михаил всю жизнь, что называется, бредил деревней своего детства. Может, красоты Лосковского и стали источником его поэтического вдохновения? Мотивы родной деревни, милого сердцу края можно встретить во многих его стихах.

Так получилось, что больше всего удач в творчестве пришлось на годы учебы. Снача-

ла в Псковском педагогическом институте, позднее, уже в зрелом возрасте, в Ленинградской партийной школе. Будучи студентом, он участвовал в областном семинаре молодых литераторов Псковщины. Присутствовавшая на семинаре столичная журналистка И. Денисова в своем отчете, опубликованном в «Литературной газете», выделила из всех начинающих поэтов именно Михаила Федорова. Тогда, в 1969 году, какими-то неуместными казались его строчки:

Кому-то звоны колокольные

В глухую липнущую тьму

И лики строгие церковные

В лампадном праведном дыму...

Позднее тема человеческого бытия, смысла жизни, достойного ее завершения постоянно присутствовала в его творчестве. В основном он писал о том, что пережил и видел сам.

Помню, где-то в начале 70-х годов я впервые услышал его имя, имя своего однофамильца, земляка. Моя двоюродная сестра из деревни Осинкино, которая училась в школе в одно время с Михаилом, вдруг начала писать стихи. Как выяснилось позже, под влиянием Михаила начали это делать многие школьники.

Осинская восьмилетка просуществовала недолго. Директора ее М. И. Федорова пригласили на работу в райком партии, потом направили на учебу.

Бывая в Новоржеве в командировках, я замечал, что ему не по душе должность заведующего орготделом райкома. Помнится, при встречах мы меньше всего говорили «на газетные темы», не обсуждали партийные вопросы. Чаще всего он рассказывал мне какие-нибудь любопытные истории из жизни новоржевцев. Мы не были настолько близкими друзьями, чтобы говорить о сокровенном.

В 1989 году он с радостью согласился стать директором Новоржевской средней школы. Тут была «его стихия». Снова стали рождаться стихи. В последние годы эта школа была своеобразным поэтическим штабом: к учителю-поэту тянулись начинающие авторы. Это – и нынешние журналист О. Андреева, и библиотекарь Н. Кушина, и студентка О. Яковлева. Они уже публиковали свои стихи в разных изданиях.

В маленьком Новоржеве многие считали Михаила если и не другом, то «своим человеком». Он охотно вступал в беседу, умел поддерживать разговор с самыми разными

людьми. Всегда был легким, свежим, подтянутым, прозрачно чистым. И все-таки, как заметила недавно известная и самая именитая новоржевская поэтесса Елена Родченкова, в городе он был один. И что самое страшное – непонятым, чужим в новоржевском мире. Могу сказать: Михаил Иванович духовно был богаче многих близких и приближенных к нему. Печататься особенно не стремился, больше, как говорится, писал в стол. Он жил в созданном им поэтическом мире, и очень немногие были вхожи в этот мир.

Последний раз я встретился с Михаилом где-то за полгода до его кончины, в погожий июньский день. Сначала он помог мне решить несложный хозяйственный вопрос, а потом уговорил поехать полюбоваться на построенную в деревне Заход часовню. Часовня сооружена на средства благотворителей из С.-Петербурга в память о почивших деятелях искусств этого города. С заходского пригорка открываются чудесные, чисто русские дали. Часовня очень удачно вписалась в новоржевский пейзаж.

– Она напоминает мне одинокого человека, – сказал Михаил. – Будет постоянно ждать, когда придут сюда люди поклониться

иконе Казанской Божией Матери, почтить актеров, музыкантов, писателей...

Может, кто-то из земляков, прочтя эти строчки о Михаиле Федорове, поморщится: знали, мол, его и другим – выпить любил, бывал несдержан.

– Да, не ангел, не безгрешен, – подтверждает Тамара, – но хорошего в нем все равно было больше. На весах нравственности перевешивают его человеческая порядочность, честность, открытость души, доброта. У нас была настоящая любовь. Вместе прожили 26 лет. Дочь воспитали. Внука дождался. Он научил меня понимать, даже больше – любить поэзию, хотя по своему складу я практик, хозяйственник.

Я говорил уже об особой творческой атмосфере, которую умел создавать вокруг себя Михаил. Так было сначала в сельской, потом и в городской школе. Не знаю, чем можно объяснить, что именно в моем родном краю выросло много хороших поэтов. Назову лишь наиболее известных.

Алексей Болдин был вдохновителем и создателем первого литературного альманаха районного масштаба. Алексей имел свою книгу стихов, публиковался в центральных

изданиях, дружил с московскими и псковскими поэтами. С тремя поэтическими сборниками была принята в Союз писателей России Елена Родченкова. Издала свою книгу молодая поэтесса Наталья Кушина. Земляки хорошо знают стихи Алексея Иванова, Алексея Моисеева, Ивана Федорова.

В этом поэтическом ряду Михаил Иванович Федоров занимал особое место. Само собой получилось, что после смерти Алексея Болдина руководство литературным объединением в Новоржеве принял Михаил. Он стал составителем-редактором третьего выпуска альманаха «Костер у Сороти». К нему шли и начинающие, и известные поэты. И могу сказать, – общение с ними доставляло ему радость.

Из истории мы знаем немало примеров, когда талантливые художники, музыканты, артисты, литераторы были очень неудобными в семье, в быту, в обществе. Кумиром Михаила в последние годы был Николай Рубцов. Его высокая самобытная поэзия пришла к читателям, можно сказать, в большей части после смерти. При жизни разные начальники, редакторы старались перевоспитать поэта: сначала морально исправить его самого и лишь потом печатать стихи.

Был в Новоржеве и свой похожий пример. Одаренный поэт Алексей Болдин, прямой, независимый в суждениях человек постоянно конфликтовал с редактором газеты, руководителями района. Из-за прогулов (крепко пил) его не раз отлучали от любимой работы. Но он снова и снова возвращался в редакцию, потому что там без него было трудно.

У Михаила тоже была мятежная душа. Время от времени ему хотелось оказаться в веселой компании, вступить с кем-то в политический, литературный спор или, наоборот, уединиться от всех на несколько дней.

Тамара Андреевна рассказывает:

— Он мог разбудить меня среди ночи, чтобы поделиться удачной строкой или мыслью. А как, бывало, раздражали домашних затянувшиеся допоздна дискуссии его с друзьями. Спорили о прочитанном, о поэзии, обсуждали разные события в районе, в стране.

Наверное, любому поэту интересно, как окружающие воспринимают его творения. Хочется, чтобы его печатали, читали.

При определенной настойчивости Михаил мог бы и сам издать свою книгу, но ему, видимо, не хотелось раньше времени подводить итог жизни. Его стихи, я сам тому сви-

детель, в беспорядке были разбросаны по разным папкам, чемоданам, были записаны в тетрадах, блокнотах. Дома у него даже не было письменного стола. Все делалось как бы мимоходом, между делом, урывками. В поездках, на отдыхе, в компаниях, в последнее время – в больничных палатах вдруг рождалась какая-нибудь интересная, а то и ключевая строка. И уже не отпускала от себя, пока не напишется стихотворение.

За два года до первого инфаркта он написал:

*Мы когда-то уйдем,
Но, наверно, уйдем мы без Бога...*

А заключительные строки стихотворения такие:

*Но я верю, вздохнет вдруг
Внезапно мой верный хранитель,
Бросит грозный свой меч,
Чем святил и казнил,
И отринет плечом
Дверь в бессмертную даль и обитель,
Тихо скажет:*

*— Давай, проходи,
Проходи, Михаил!*

Так написал он о себе за шесть лет до трагедии у «Святого колодца».

А я от имени всех друзей, всех знакомых его говорю:

— Оставайся с нами, Михаил!...

Пусть залогом светлой и долгой памяти о тебе останется эта книга.

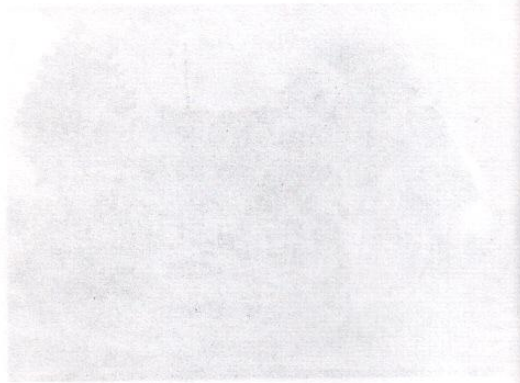
**Владимир Федоров,
член Союза журналистов
России
Новоржев – Псков**

1962–1965 гг.

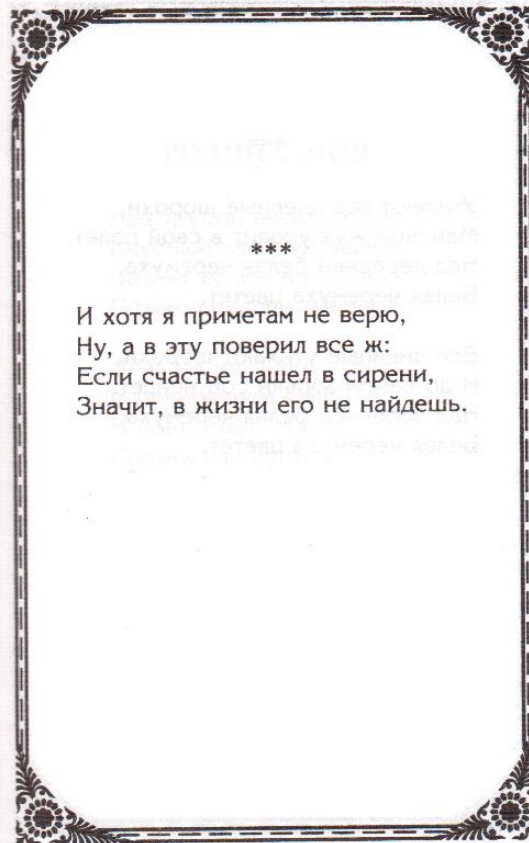

д. Лосковское на берегу р. Сороти. Дом, где родился и жил до 1968 года Федоров Михаил Иванович. Затем семья переехала в д. Посадниково

1962-1961 гг.

Д. Покровский не забыл в Сорочин Дом его детства
и жил до 1962 года Федоров Николай Иванович
Затем семья переехала в Д. Покровский

И хотя я приметам не верю,
Ну, а в эту поверил все ж:
Если счастье нашел в сирени,
Значит, в жизни его не найдешь.

Утихают все дневные шорохи,
Майский жук уходит в свой полет.
Над деревней белая черемуха,
Белая черемуха цветет.

Все дневные утихают шорохи,
И до самой зорьки сон нейдет...
Над деревней белая черемуха,
Белая черемуха цветет.

РОДИНА МОЯ

Над трубой веселый дым.
Вкусный хлеб домашний
Пахнет сеном молодым,
Поле, солнцем, пашней.

День не мешкает, встает
В неумолчном гаме.
И поет, поет, поет
Сорочь над лугами!

Я шагаю по дебрям Бразилии.
Виснут змеи с каждого куста.
Мой попутчик старый кот Базилио
Что-то брови хмурит неспроста.
Ах, старик! Ему все мыши чудятся,
Каждый шорох чудо для него.
Не идет, чертяка. Только крутится,
А зачем, спросите, для чего?

20

ПАМЯТЬ

Лагерей пулеметные вышки.
У дороги солдат – парнишка
В звездной каске, свинцом пробитой...
Не забыто,
Ничто не забыто!
Ведь не все оттремели войны,
И не все еще спят спокойно.

В отдаленьи слышав грозы,
Вдруг встревоженно смотрит мир...
Матерей не просохли слезы,
И, склонившись, стоят березы
По опушкам
У братских могил...

21

АВГУСТ

Гуще сумрак, свежее воздух,
Пробирает осины дрожь,
Все заметней и ярче звезды,
И склоняется ниже рожь.

Откричали в лесах кукушки,
Выщвел неба высокий свод.
Скоро осень пройдет по опушкам,
Золотые костры зажжет.

Чуть морозом траву подернет,
В огородах ботву примнет.
Отражаясь в воде озерной,
Журавлиная грусть поплывет.

Оттого вот и сердцу тревожно,
И с волненьем глядишь и глядишь,
Как стоит над несжатою рожью
Августовская звездная тишь.

22

...И лишь до самого рассвета
В неумолкающей ночи
Скрипят скобою ржавой где-то
Вдали над лугом дергачи.

23

Облака плывут, плывут куда-то...
Бросил вечер сумрак на пруды.
Гаснут тихо отблески заката
В отсыревшем зернале воды.

Ветерок поземкой стелет белой,
Пух сдувая с тополей в садах;
Щек твоих касаясь загорелых,
Поцелуем тает на губах.

Ты стоишь у клуба на пригорке,
С тихой грустью смотришь на большак.
Озорная бойкая девчонка,
Может, ждешь кого... А может, так...

24

Рожь клонится к колеям дороги,
Пахнет сеном скошенных лугов,
И закат, задумчивый и строгий,
Красит перья легких облаков.

Тракторов далеких песня ровная,
Шум листвы, комбайнов в поле стук...
Все родное это. Наше. Кровное.
Все слилось в один могучий звук.

Блеск заката слабый и далекий,
И в туманном сумраке земля...
Льется вечер плавный и широкий
На родные, отчие поля.

25

В ОКТЯБРЕ

Тишина.
Октября размах.
Сколько песен еще не спето!
Вот уже в золотых снопах
Укатило куда-то лето.
Я иду. По земле иду.
Осыпаются листья-звезды,
Робко клены горят в пруду,
Где-то трактор стучит колхозный.
А над соснами, в вышине,
Переклик журавлиных стай.
Только быть,
Снова быть весне!
Сквозь дожди и январский снег
Возвратится в Россию май!

26

Смолой золотистой пахнет от сруба,
Над озером гаснет заката огонь.
Звучит с переливом у сельского клуба
Веселая чья-то гармонь...

Стучат каблуки на площадке под липой,
Гармошка, вздыхая, ведет разговор:
То вспыхнет пожаром, то с жалобным
всхлипом
Затухнет... и снова - задор.

Откуда-то песня широкая льется,
Напев задушевен, волнующе прост
И плавно над псковским простором
несется
От глади озерной до звезд.

27

ЧЕМ ПАХНУТ КНИГИ

Беру я книги с особой лаской.
Чем пахнут книги?
Конечно, краской
И чем-то новым
И необъятным:
Смолой сосновой,
Душистой мятой,
Лесною тропкой,
Дымком кудрявым,
Речушкой робкой,
И лесосплавом,
Волгою синей,
Весной ленинградской,
Ангарским инеем,
Городом Братском,
Просекой первой,
Каспием, Балтикой,
Дружбою верной,
Будней романтикой.

28

БЕССМЕРТЬЕ

Памяти Сергея Есенина

Разве это не бессмертье будет,
Коль сумел ты, полюбив до слез,
Донести проникновенно людям
Красоту черемух и берез?

Удалых тальянок голос звонкий,
Небосклона ситцевую даль,
И дождем пропахшие проселки,
И полей рязанскую печаль.

Знать, глаза недаром голубые
И душа, как песня широка,
Если в гордом имени Россия
И твое осталось на века.

29

Пройдут года, и я назад приеду...
Все так же Сороть катится, звеня.
И рожь ведет июньскую беседу,
И васильки приветствуют меня;
Опять гармонь поет, поет, вздыхая,
И месяц сыплет золото в ручьи,
И Псковщина, как будто мать родная,
Читает строки звонкие мои.

1966—1970 гг.

д. Лосковское. Колхоз «Майская».
Михаил Иванович Федоров
с матерью Евгенией Яковлевной

1906-1970 г.

Вот так, как ты, в жизни
Вот так, как ты, в жизни
Вот так, как ты, в жизни
Вот так, как ты, в жизни

Вот так, как ты, в жизни
Вот так, как ты, в жизни
Вот так, как ты, в жизни
Вот так, как ты, в жизни

Есть в жизни счастье бешеных
и страждущих –
Уйти с земли, навек ее прокляв...
Без вести гибнуть и вдруг с мачты
пляшущей,
Срывая связки, закричать: «Земля!»

3-2916

33

Так уж в жизни у нас получается:
Все с чего-нибудь начинается.
Начинается горе со слез.
Песня – с слова. Россия – с берез.

Начинаются избы со срубов,
Балалайки – с лихой струны.
Видно, с губ начинаемся мы,
Потому и целуем в губы.

34

В. Н.

Есть дивная прелесть в ночи новогодней,
Взметнувшей над крышей крыло.
И хочется мне, чтобы снова сегодня
Хорошее в гости пришло.

И пусть даже чем-то последним погрёбав,
Ни слова б в ответ не сказав,
По-прежнему зябким сентябрьским небом
Подернулись эти глаза.

Но я бесшабашно, как хан половецкий
В разгульном и диком пиру,
Люблю по-мужски тебя с нежностью детской
И щедро по-хански дарю:

Морозный закат, отзывающий болью,
Угрюмый лесной оком,
И дальнюю песню, и снежное поле,
И княжество в сердце моем.

3*

35

Он часто рассеян, мечтателен был.
Волос непокорные прядки.
Ньютона и Ленца безумно любил,
Курносый и внешне опрятный.

Неплохо теорию физики знал,
Но черт его дернул влюбиться.
Он долго нечаянных встреч избегал
И все же решил объясниться.

Все чувства свои положил на весы
И груды открыток подаренных.
И, как на гидрометре в точке росы,
На лбу выступала испарина.

Казалось, кончатся жизни пути,
Весь мир стал картиной абстрактной,
А сердце стучало и билось в груди,
Как двигатель четырехтактный.

Забыл он извечную грусть и тоску,
Не вспомнил домашней работы.
И, как на контрольной, вертелся в мозгу
О газах закон Мариотта.

И долго стояли, краснея, они,
Но даже с огромнейшим рвением,
Хоть час промолчали, решить не смогли
Из трех величин уравнение.

36

В деревне март. Он в эту ночь пришел,
Как младший брат, которого заждались.
И снег стряхнув с намокших волглых пол,
Стоит у двери, скрипнуть не решаясь.

Во сне неслышно вздрагивает дом.
Остывший чай. Поэтов русских стансы.
И струнный плеск капли за окном,
Забывтой болью старого ромansa.

37

Теплый вечер. Благодать.
Спят сады вишневые.
Мне сейчас бы услышать
Песню развеселую.

Под распахнутым окном
В тишину июльскую
Чтобы пели вчетвером
Под гармошку тульскую.

Как над рожью пал закат
И своей зазнобушке
Русский парень продавал
Ситцы из коробушки.

38

Прядет июнь над крышами заката,
А за деревней, сразу у межи,
Цветет земля чуть-чуть зеленоватым
Неугасимым светом новой ржи.

Цветет земля натруженно и мудро
И будто ждет, торжественно-тепла,
Когда ударят, зори перепутав,
Бессмертные певцы-перепела.

39

ПОЛДЕНЬ

Июньский полдень. Переправа.
Дымок за плесами вдали.
Опять про нынешние травы
Толкуют дружно косари.

А над землей теплый ливень
Пронесся, свежестью бодря,
И тонет эхо в небе синем,
И ловит песню березняка.

Кричат кукушки в перелесках,
Играет рожью ветерок,
И пахнет летом деревенским
У перекрестков и дорог.

40

Хорошо июлем знойным
Спозаранку встать.
«Здравствуй!» – Сороти спокойной
От души сказать.

Хорошо с прибрежной кручи
Глянуть вниз на дно,
Зачерпнуть воды певучей
Полное ведро.

И, с травы сбивая росы,
Прямоком шагать,
...А кругом луга, покосы
Да речная гладь.

41

ДОЖДИК

Над далеким лесом,
Над несжатой рожью –
Молодой повеса –
Торопливый дождик.

Прошуршал над хлебом,
Простучал по веткам,
Расчертил все небо
Серебристой сеткой.

Молнии – как спицы,
Гром ударил дружно,
Старый клен глядится
В золотые лужи.

Отчего-то стало
Вдруг светлей и краше,
Легче задышалось
Над землей нашей.

Радостно смеется
Девушка в косынке.
И в ладони бьются
Теплые дождинки.

Над далеким лесом,
Над несжатой рожью –
Молодой повеса –
Просто летний дождик.

42

ЗАКАТ

Закат плывет над лесом дымкой алою,
Спускает вечер синий полог вниз;
И дышит в сердце грустью небывалою
Вечернего разлива легкий бриз.

43

В ДОРОГЕ

Морозный день. Березок встречных грации.
Клонило в сон. Весь мир куда-то плыл.
И возле Мги, у той конечной станции,
Меня контроль общественный накрыл.

Стоял январь. Билета вроде не было.
Стучал вагон. И медлил контролер,
Он над душой стоял и что-то требовал,
А что вот? – не припомню до сих пор.

И на меня глядели молча граждане
И про себя твердили: «Вот нахал!»
А я, вздохнув, с медлительной важностью
Вдруг протокол какой-то подписал.

Потом толчок. Конец. Как будто станция.
И сон пропал, скатился до ноля.
Стою один. Лишь в кулаке квитанция
О выплаченном штрафе в три рубля.

ОСЕННЕЕ

Сыплет осень золото берез,
Вторит ветер крикам журавлиным,
И осенний утренник-мороз
Серебрит подсолнухи за тыном.

У обочин дремлет лебеда,
Облака уходят в бесконечность.
И поют о чем-то провода,
И грустит над крышею скворечник.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

День прошел незаметный и серый,
На продрогшие крыши осев,
А под вечер...
Ты слышишь, Вера,
Начинается первый снег.

Невесомый,
Как сон, случайный,
Над унылым бездушьем труб
Первый снег –
Голубая тайна
Нецелованных чистых губ.
Песня,
Сказка,
И быль, и небыль.
Чьим-то счастьем подбитый влет
Первый снег...
И, снижаясь, небо
На сближенье с землей идет.

Вьется в тесной печурке огонь,
От вина и от водки тепло.
Ломтик сала размером с ладонь.
Ох, опять все пути замело!

Дай-ка в руки мне старенький маг,
Я Высоцкого песни пушу.
Снова вспомнятся будни общаг,
У печурки о них погрузу.

Снова воеет и сыплет пурга,
Ломит кости; всплакну, потужу.
Ох, зачем! Ох, зачем я, дурак,
В этой старой землянке сижусь.

Кому поем печаль свою?

Я в трансе, аж пальцы не держат пера:
Во время вчерашней гулянки
Украли Пегаса, свели со двора
И лиру разбили по пьянке.

И больно, и горько, и тягостно мне:
Ну чем свое горе развею?
В избе балалайка висит на стене,
Что толку – играть не умею.

Но Бог с нею, лирой; дрянной инструмент,
Немодный, непрочный, халтурный.
У Пушкина даже, на что был поэт,
И то часто лопались струны.

У поэтов обычай древний –
О родной писать стороне.
Может быть, о своей деревне
Что-нибудь рассказать и мне...

У околицы рожь густая,
Белоногих березок строй,
Девять изб развеселой стаей,
Даже десять, но без одной.

Впрочем, ладно, не буду спорить.
Облака лебедями плывут,
И в лугах голубая Сороть,
Лентой брошенная в траву.

Глухая ночь. Застыла улиц ртуть.
И веки запорошены у окон.
А городу сегодня не уснуть,
Ему сегодня страшно одиноко.

Он с глазу на глаз со своей судьбой, –
Задумчивый, притихший, безголосый.
И огонек над заводской трубой,
Как светлячок зажженной папиросы.

Небо в заплатах убогих,
Берега льдинистый жгут.
Волны в прическах высоких
Белые гребни несут.

Пушкин ли, Блок или Гейне...
Вечной поэзии гул,
Вечна глубинная песня
В арфе сосновых струн.

СМОЛЯНКИ

Есть поверье у нас в народе:
Если смолок – цветов лесных –
Под подушку возьмешь, приходят
Этой ночью хорошие сны.

...В перелесках туман дымится,
Побелила роса траву,
Вспоминаю твои ресницы
И смолянки у тропки рву.

И, поверив приметам этим,
Я тайком от друзей-ребят
Под подушку кладу букетик,
Чтоб во сне увидеть тебя.

52

Когда в низинах плачут коростели
И в белый дым уходит дальний бор,
У огонька, сойдясь в кружок артельный,
Охотники заводят разговор.

И рыболов, намаявшись под вечер,
Не поспешит домой добраться в срок
И, преисполнен грусти человеческой,
На берегу разложит костерок.

И в этом тяга слышится земная:
Уйдя от всех обыденных сует,
Глядеть, как гаснут искры, отлетая,
Как будто тени сгинувших планет.

И в этом что-то древнее осталось
И в нас живет, и будет жить века:
Забыв про все, стряхнуть с плеча
усталость
И посидеть в тиши у огонька.

53

Я кричу тебя.
Аукаю,
Зову...
Тихо звезды осыпаются в траву
И в ладони, только горсти
подставляй,
И черемухи покачивает май.

Я кричу тебя,
Аукаю, но нет –
Затерялся, заблудился
Милый след.
В том краю, где не смолкает
песня гроз,

Там, где стаи белоногие берез,
За озерами за синими вдали...
Я кричу,
И эхом вторят соловьи,
Да горюет и вздыхает с сердцем
в лад
Та гармошка, что смеялась год
назад.

54

Бросало сани на раскатах,
И под морозный, дружный скрип
Гармошка пела о закатах
И о тропинках полевых.

Летела песня чисто, звонко,
То угасала, крепла вновь –
О том, что где-то есть девчонка
И есть хорошая любовь.

55

Хорошо б родиться мне художником
И бродить до смерти по земле,
По российским полевым дороженькам,
По звенящей золотом стерне.
Проходить деревнями и селами,
Где у изб глядятся через тын,
Как девчонки, кем-нибудь смущенные,
Стайки загоревшихся рябин.
И носить, носить в холстах с собою
Мягкий запах первого сенца,
Теплоту натруженных ладоней,
Чьи-то судьбы, радости, сердца.
Хорошо бы. Только вот не всякому
Волшебство постигнуть суждено,
Чтоб под кистью как живое вздрагивало,
Наполняясь пульсом, полотно.
И уж если не дано мне этого,
Не в холстах, так в сердце пронесу
Теплый дождь, и росы семицветные,
И в лугах звенящую косу.

56

ЗВЕЗДЫ

С далеких лет, забытых, неразгаданных,
У всех влюбленных в небе – по звезде;
Их зыбкий свет – над Нерлью,
и Непрядвою,
И в молчаливой китежской воде.
А если чья-то вдруг любовь растаяла,
Как тихий день за низеньким окном,
И даже стежку в сердце не оставила,
Звезде на землю падать суждено.
Не потому ль порою августовскою
Сквозь чуткую ночную синеву
Идут, звеня, прямые ливни звездные
И росами ложатся на траву?
Не потому ль, сердца людские трогая,
Во все столетья, царственно горда,
Кому-то светит верная и строгая
Высокая Полярная Звезда?

57

О где ты, Пушкин, певец опальный?
И где приют твой, на чьем пути?
В какой чужбине, в каком изгнанье
Сидишь, как узник, как перст, один?

Наверно, грезишь: дорога, кони...
Наверно, куришь: так веселей.
Но бубенцами не грянет поле,
И снег не брызнет из-под саней.

А в доме пусто. И перьев нету,
И грустно что-то. И сон нейдет.
И, может, слышишь, как ночью этой
На речке Черной тает лед.

58

СЕРДЦЕ

«О кости черствые с размаху,
Бьет сердце – пленник темноты...»

П. Васильев

За какое-то преступленье,
Только, видно, давным-давно,
На пожизненное заключенье
Наше сердце осуждено.

И, земному всему завидуя,
Столько долгих веков подряд
Стонет горькой оно обидою,
Кровью каждый миг исходя.

А когда, на него досадуя
И терпенья отбросив щит,
Мы кричим ему: «Что тебе надо?!» –
То оно нам в ответ молчит.

Лишь стучит и колотит жарко,
Разрывается, как запал.
Ведь его, наверно, как Данко,
На ладони никто не держал.

59

РУСЬ

Жнивье в раздумье паутином.
Стога. Поблекнувшая синь.
Есть в нас ничем незаменяемое, –
Есть чувство гордое Руси.

Оно неброское, негласное,
Влюбом по-своему живет.
И Русь мы видим все по-разному
И в разном чувствуем ее.

Кому-то – песня крыш соломенных,
Дорог разбитых колеи,
Шальные тройки в буйстве огненном
И сарафаны до земли.

Кому-то – звоны колокольные
В глухую липнущую тьму
И лики скорбные церковные
В лампадном праведном дыму.

А мне во снах осенней полночью
В российской строгости нежна
Голубоглазая девчоночка,
Голубоглазая княжна.

И в ней всей ширью неба летнего,
Как север, грустного чуть-чуть,
Легко, размашисто и трепетно
Плывет, покачиваясь, Русь.

60

Во Пскове день
разгульный, день престольный:
Снята осада, сброшена броня.
И пьяным солнцем
бредит колокольня,
Как меч воздевшись
над плечом кремля.
Ликует город.
Крыши хороводят.
Вдоль гулких улиц
красный перезвон.
И кто-то гордо
по земле проходит,
Почти касаясь
сердца моего.

61

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ДОМ

Помню, в сказке одной,
В дальнем детстве своем,
Слышал я про лесной
Заколдованный дом.

Стол давно в нем накрыт,
Лавки в красном углу.
Стежкой летней лежит
Половик на полу.

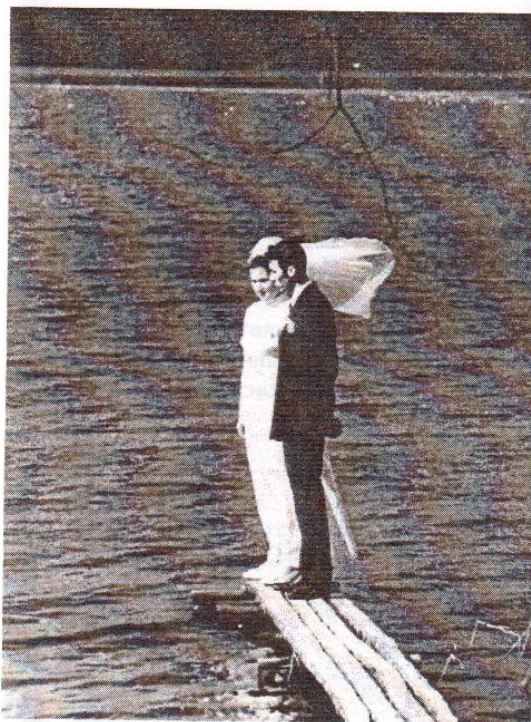
Там узором мороз
Занавесил окно.
Там от лунных берез
Даже в полночь светло.

Настежь крылья ворот
Столько зим, столько лет:
Дом хозяина ждет,
А хозяина нет.

Видно, в дальнем краю
Где-то сбился с пути,
И дороги ему
В этот дом не найти.

Белый лес. Белый звон.
В белом хрусте заря.
Заколдованный дом...
...Не хозяин ли я?

1970–1980 гг.

22 апреля 1972 года в день свадьбы с женой Тamarой
у озера. д. Посадниково

1970-1980

23 апреля 1975 года в день открытия в Женеве Таврического сада
Успенский А. Писательское

Ленинград зеленый и смущенный:
Каждый лист и ветка на виду.
Майский вечер. Скошены газоны
В первый раз в Таврическом саду.

Пахнут сеном лунные дороги,
В тишине сбегая на гранит,
И несмело у решеток строгих
Лето деревенское стоит.

5-2916

65

Таврическому

Седой дворец. Зеркал туманных чары.
Величия потемкинского прах.
Здесь в минуэтах проплывали пары
И пышных фрейлин тискали в углах.

66

Гул трамвая замрет осторожно
На излуцинах улиц пустых.
По-поленовски светится пожня -
Литераторские мостки.

Княжий день. Тут давно не хоронят,
И вселенское горе ушло.
Над приглушенным граем вороньим
Ясень ясное поднял крыло.

На крестах, как на памяти, блики,
Каждый камень - живущим упрек.
Догорают и млеют гвоздики
Над нерусской фамилией «Блокъ».

Постоим. На слова б не сорваться,
Не коснуться б нечаянно глаз.
Век бушует, как ваши «Двенадцать».
Вы, наверное, слышите нас.

5*

67

*Село стоит
На правом берегу.
А кладбище –
На левом берегу.*

Н. Рубцов

Берег. Кресты надмогилий,
А в заозерье – село.
Сколько имен и фамилий
В грешную землю ушло.

К небу и Богу взывая,
Мечутся, видишь, средь стуж...
Росчерки белые чаек –
Будто автографы душ.

И, указуя дороги,
Им, не сыскавшим приют,
Волны в прическах высоких
Дивные гребни несут.

68

На сонных задворках
Средь зыбких ветвей
Светло и узорно
Свистит соловей.

В озерном изяществе
Майской сонаты
Гремит предстоящего
Лета глашатай.

А песня, сойдя
С изумрудного трона,
Растает в дождях
Предраассветно зеленых.

69

Ты уехала, писем не надо,
Ты ведь вписана в сердце мое.
Ненаглядная, Ладушка-Лада,
Слышишь, как твое имя поет.

Простучал, увозя тебя, поезд.
Проливная жара за окном.
Но остались ресниц твоих повесть,
Губ твоих золотое тепло.

70

А слова-то какие:
Будто глаз синева!
Будто жемчуг, Россия,
С твоего рукава!

Сороть... Себеж... Стремутка...
Бьется белым крылом
Санный скрип перевозка
В чистом поле ночном.

71

В толчее в привокзальном скверике,
От милиции в стороне,
Чье-то счастье цыганка мерила:
Может сбудется, может нет...

Сокращались дороги длинные,
И, ложась на скамью холстом,
Ворожили карты старинные
Про далекий родимый дом.

Поводила трюфовая плечиком,
Оставаясь опять не у дел.
А король был в рубашке клетчатой
И предоброе сердце имел.

Становилось теплей и солнечней
От бесхитростных слов таких.
И роняла, смеясь, девчоночка
В руку смуглую медяки.

72

Ты помнишь день в лесу под Таллином,
Когда, устав от суеты,
На мягком мхе с тобой лежали мы,
И как меня любила ты.

Ушли нелепости и мелочи,
И август щедр был на зной.
И ты опять казалась девочкой,
Еще не ставшею женой.

И пот серебряными точками
Блестел в ложбинке, как роса,
А та сосновая иголочка
Была заколкой в волосах.

73

Я в цейтноте; все сроки уплыли.
Потому-то не пью, не грешу,
Вдохновенно и страстно, как Пимен,
По ночам курсовую пишу.

Лампы свет злой лампадой мерцает,
Время прыгает в стрелках стремглав.
Тихо в келье моей. Засыпаю,
Затяжную строку оборвав.

В голове мешанина из планов,
Из цитат и другая х...я,
И виденье: Владлен Цалованов
К эшафоту подводит меня.

По-стрелецки картинно вальяжен,
По-таврически скуп на слова...
Взмах секиры – и в мусорный ящик
Покатилась, крутясь, голова.

74

В глухих колчанах гибель затаив,
Идут дожди, как тьмы татар на город.
Знать, не сдержал последнего напора
Хранитель мой – архангел Михаил.

Гудит набат, и черным дымом смывает
С холодных стекол света профиль тонкий.
И, оглушая, бьет по перепонкам
Зловещий стук бесчисленных копыт.

Орда... Лавина... гривы на ветру,
Корявых лип простерты ладони.
Предсмертье... Город в диком страхе

Разверзнув глотки водосточных труб.

...И пало все. Нет ни домов, ни улиц, –
Они дождем, как кровью, захлебнулись.

стонет,

75

Загрустив о доме и о прочем,
В пропыленной форме полевой
Как-то раз приехали в Песочный
Лейтенант и просто рядовой.

Пили пиво горькое в буфете
Под дождем у ветел вековых.
Жили бабы добрые на свете
И, наверно, думали о них.

76

Пахнет дымом в лесу –
Запалили костер по соседству.
Пахнет дымом в лесу –
Лето ночи сжигает дотла.
Пахнет дымом в лесу,
Как в далеком и тоненьком детстве
Пахла сказка одна,
Что на донышко сердца легла.

77

Господи! Это ведь мета,
Это ведь жизни исход!..
Время, как голая ветка,
Тычется в северный свод.

Ты хоть рукою всевластной
Останови, успокой
Бездну над самой несчастной,
Крайней, забытой, безгласной
Нашей озябшей избой.

1983–1988 гг.

Ленинград, ВПШ. Годы учебы 1978–1980.
Федоров Михаил Иванович готовит курсовую работу

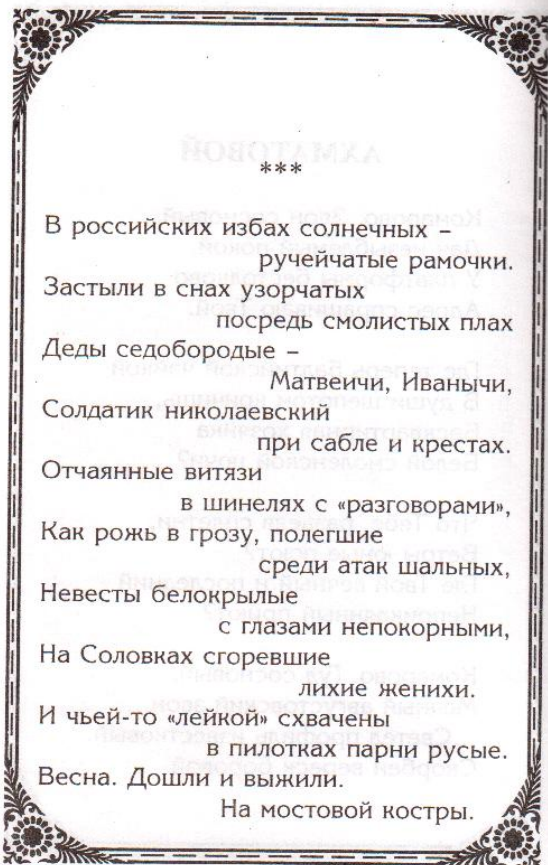
АХМАТОВОЙ

Комарово. Звон сосновый.
Дач незыблемый покой.
У платформы бестолково
Адрес спрашиваю Твой.

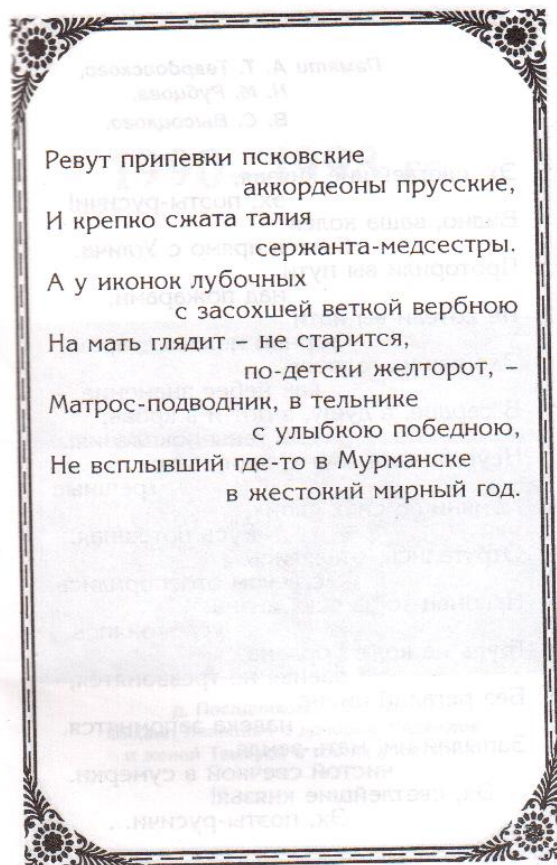
Где теперь балтийской чайкой
В души шепотом кричишь,
Бесквартирная хозяйка
Белой смоленской ночи?

Что Тебе, развеяв сплетни,
Ветры юные поют?
Где Твой вечный и последний
Неприкаянный приют?

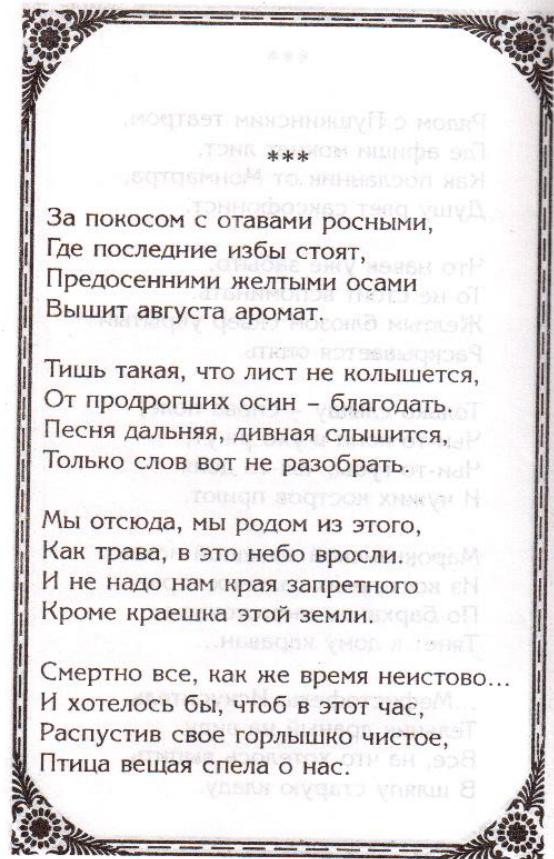
Комарово. Гул сосновый.
Медный августовский звон...
...Светел профиль известковый.
Скорбен вереск боровой.

В российских избах солнечных –
ручейчатые рамочки.
Застыли в снах узорчатых
посредь смолистых плах
Деды седобородые –
Матвейчи, Иванычи,
Солдатык николаевский
при сабле и крестах.
Отчаянные витязи
в шинелях с «разговорами»,
Как рожь в грозу, polegшие
среди атак шальных,
Невесты белокрылые
с глазами непокорными,
На Соловках сгоревшие
лихие женихи.
И чьей-то «лейкой» схвачены
в пилотках парни русые.
Весна. Дошли и выжили.
На мостовой костры.

Ревут припевки псковские
аккордеоны прусские,
И крепко сжата талия
сержанта-медсестры.
А у иконок лубочных
с засохшей веткой вербной
На мать глядит – не старится,
по-детски желторот, –
Матрос-подводник, в тельнике
с улыбкою победною,
Не всплывший где-то в Мурманске
в жестокий мирный год.

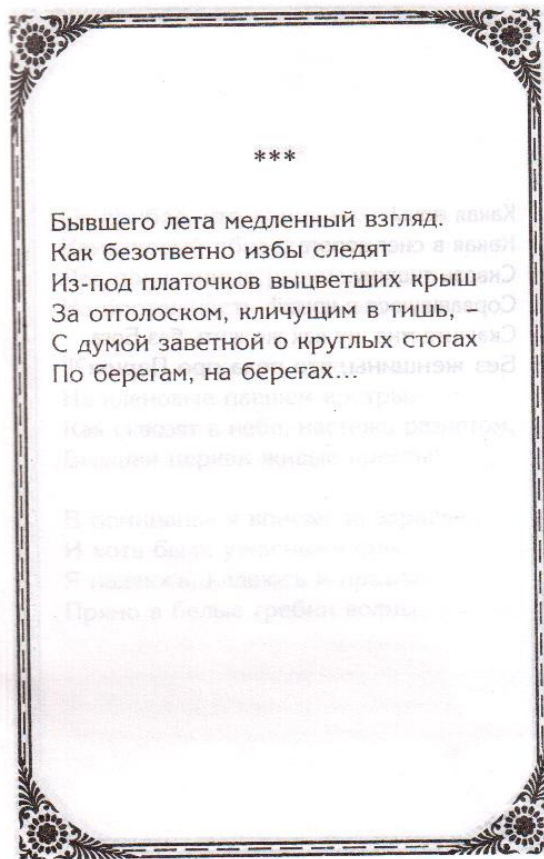

За покосом с отавами росными,
Где последние избы стоят,
Предосенними желтыми осами
Вышит августа аромат.

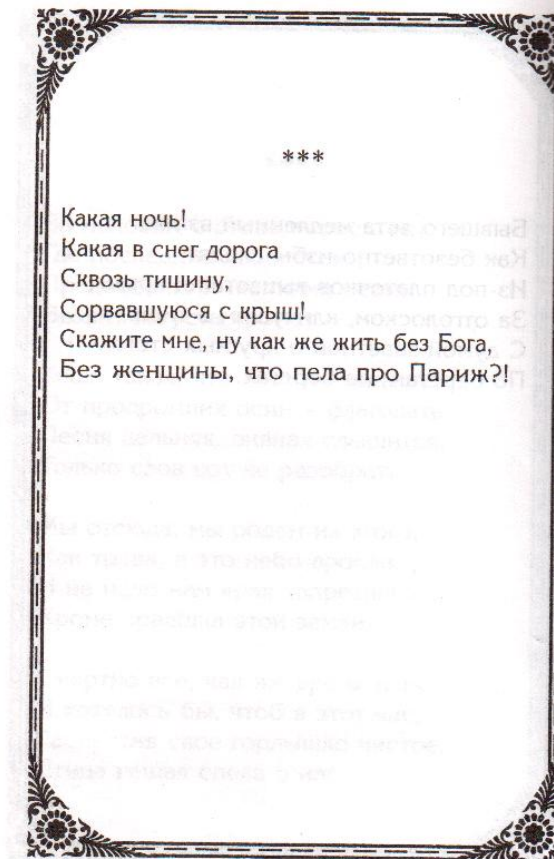
Тишь такая, что лист не колыхнется,
От продрогших осин – благодать.
Песня дальняя, дивная слышится,
Только слов вот не разобрать.

Мы отсюда, мы родом из этого,
Как трава, в это небо вросли.
И не надо нам края запретного
Кроме краешка этой земли.

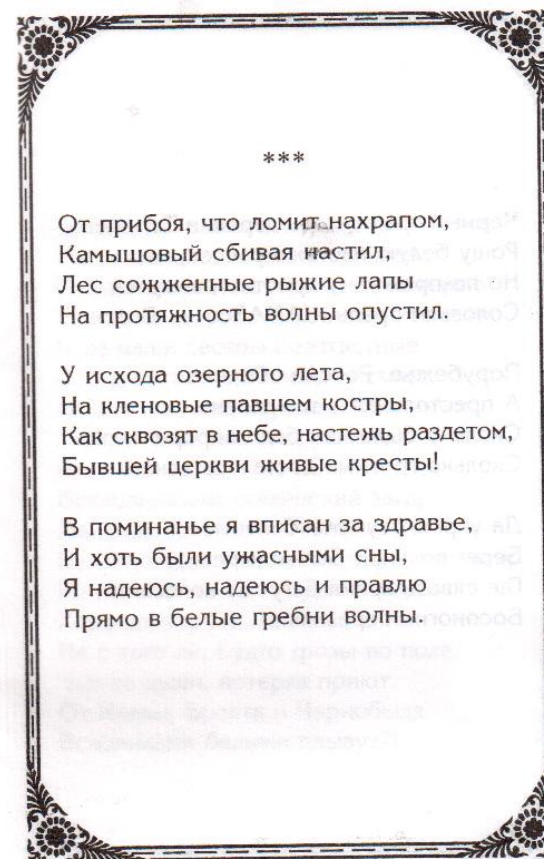
Смертно все, как же время неистово...
И хотелось бы, чтоб в этот час,
Распустив свое горлышко чистое,
Птица вещая спела о нас.

Бывшего лета медленный взгляд.
Как безответно избы следят
Из-под платочков выцветших крыш
За отголоском, кличущим в тишь, –
С думой заветной о круглых стогах
По берегам, на берегах...

Какая ночь!
Какая в снег дорога
Сквозь тишину,
Сорвавшуюся с крыш!
Скажите мне, ну как же жить без Бога,
Без женщины, что пела про Париж?!

От прибоя, что ломит нахрапом,
Камышовый сбивая настил,
Лес сожженные рыжие лапы
На протяжность волны опустил.

У исхода озерного лета,
На кленовые павшем костры,
Как сквозят в небе, настезь раздетом,
Бывшей церкви живые кресты!

В поминанье я вписан за здравье,
И хоть были ужасными сны,
Я надеюсь, надеюсь и правлю
Прямо в белые гребни волны.

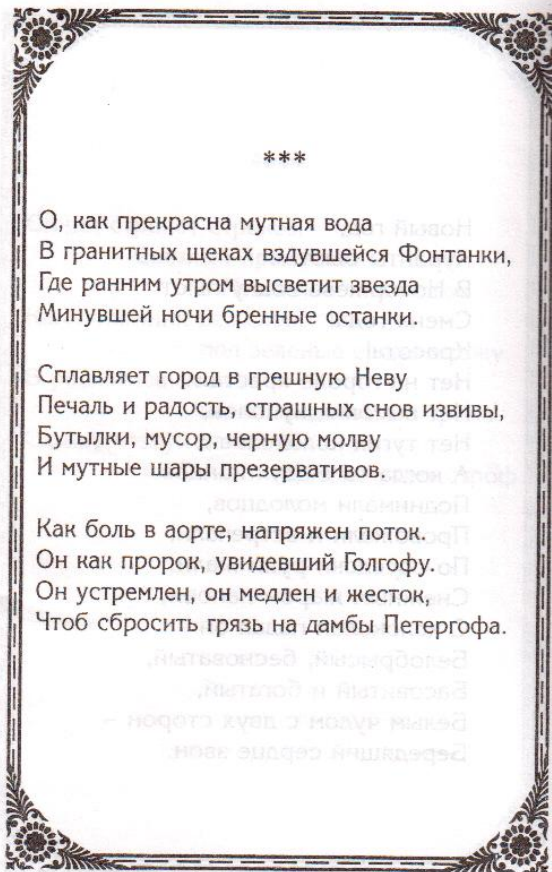
Черный тракт вдоль деревни Татищево
Рошу белую настужь рассек,
Но по-прежнему яростно свищется
Соловьям средь «КАМАЗов» и «Волг».
Порубежье. России обочина.
А престольная – так далеко.
Сколько было нам бед напророчено!
Сколько грозных досталось веков!

Да укроют туманы белесые
Берег вольной Великой-реки,
Где сквозь время бегут за колесами
Босоногие березняки.

Сытые, довольные, нарядные,
Мы живем, такие безоглядные...
Ведь не нашей дочерью иль матерью
Степняки в протоках стлали скатерти,
И не наши сестры безответные
Салтычихам лили слезы светлые.
Не для нас, над маршами хранимых,
Мюнхенские пели херувимы,
И не нас сжигал, как Божий дар,
Всеколымский сталинский загар.
Мы себя похолодили, потешили,
Не стесняясь, Звезды к сердцу вешали;
Не для нас молва – дурная весть.
Хорошо, что мы на свете есть.
Не с того ли, будто грозы во поле,
Чьи-то души, потеряв приют,
От Каялы, Бреста и Чернобыля
Всадниками белыми плывут?!

Синий стрекот стрекоз.
Светлый праздник
в Михайловских рощах.
Как поломник без слов,
под зеленые своды вхожу.
В раскатившемся эхе
июньского, теплого грома
Слышу отзвук далекий
высоких негаснущих строф.

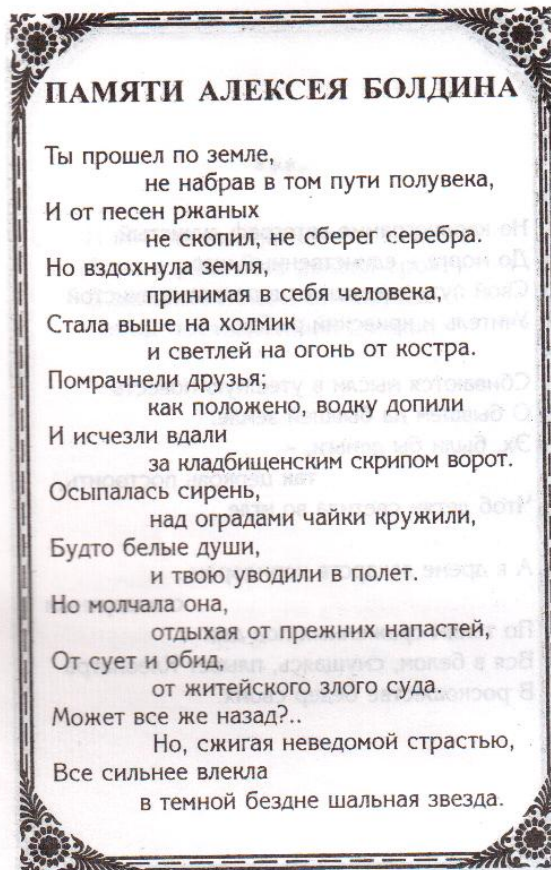
Новый год,
Куранты бьют.
В Новоржеве водку пьют.
Смена года!
Красота!
Нет на городе креста...
Нет высоких куполов,
Нет тугих колоколов...
А когда-то с двух концов
Поднимали молодцов,
Провожали и встречали,
По-соседски руки жали.
Снежным жаром напоен,
С колоколен падал он
Белобрысый, бесноватый,
Басовитый и богатый,
Белым чудом с двух сторон –
Бередящий сердце звон.

О, как прекрасна мутная вода
В гранитных щеках вздувшейся Фонтанки,
Где ранним утром высветит звезда
Минувшей ночи бранные останки.

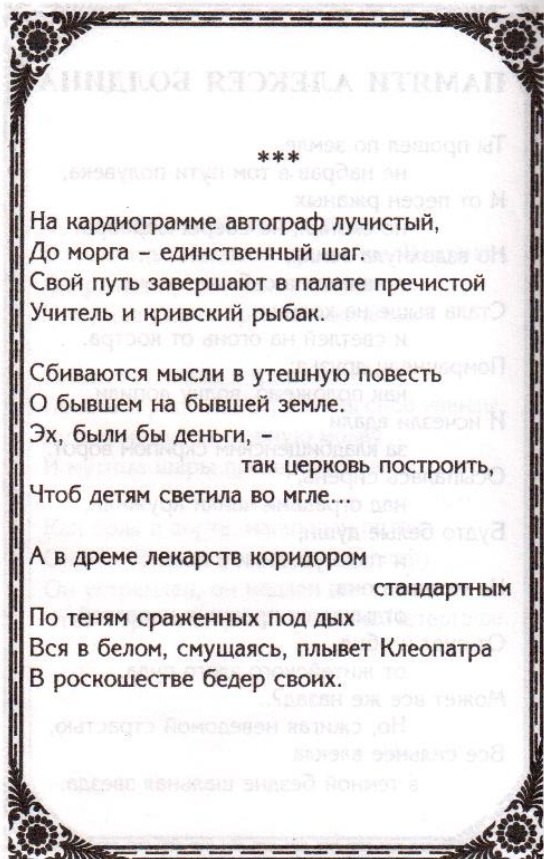
Сплавляет город в грешную Неву
Печаль и радость, страшных снов извивы,
Бутылки, мусор, черную молву
И мутные шары презервативов.

Как боль в аорте, напряжен поток.
Он как пророк, увидевший Голгофу.
Он устремлен, он медлен и жесток,
Чтоб сбросить грязь на дамбы Петергофа.

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ БОЛДИНА

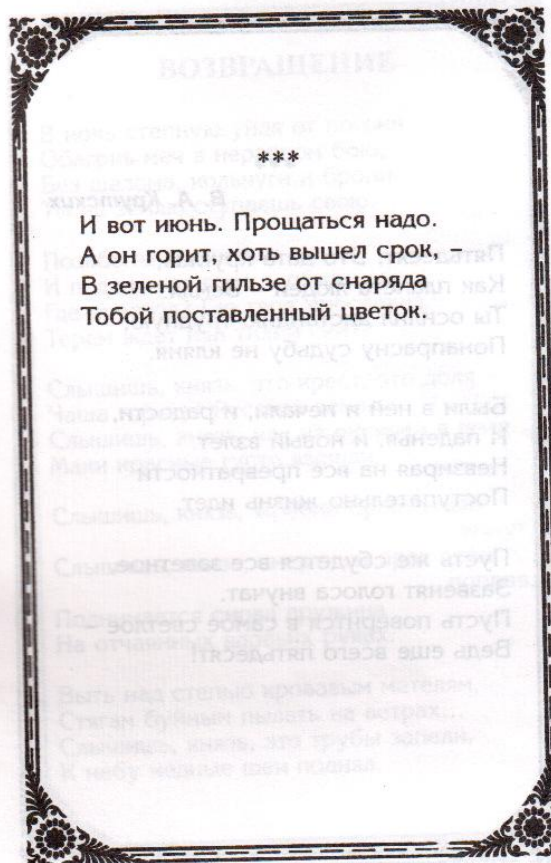
Ты прошел по земле,
не набрав в том пути полувека,
И от песен ржанных
не скопил, не сберег серебра.
Но вздохнула земля,
принимая в себя человека,
Стала выше на холмик
и светлей на огонь от костра.
Помрачнели друзья;
как положено, водку допили
И исчезли вдали
за кладбищенским скрипом ворот.
Осыпалась сирень,
над оградами чайки кружили,
Будто белые души,
и твою вводили в полет.
Но молчала она,
отдыхая от прежних напастей,
От сует и обид,
от житейского злого суда.
Может все же назад?..
Но, сжигая неведомой страстью,
Все сильнее влекла
в темной бездне шальная звезда.

На кардиограмме автограф лучистый,
До морга – единственный шаг.
Свой путь завершают в палате пречистой
Учитель и кривский рыбак.

Сбиваются мысли в утешную повесть
О бывшем на бывшей земле.
Эх, были бы деньги, –
так церковь построить,
Чтоб детям светила во мгле...

А в дреме лекарств коридором
стандартным
По теням сраженных под дых
Вся в белом, смущаясь, плывет Клеопатра
В роскошестве бедер своих.

И вот июнь. Прощаться надо.
А он горит, хоть вышел срок, –
В зеленой гильзе от снаряда
Тобой поставленный цветок.

В. А. Крутских

Пятьдесят. Это дата круглая,
Как планета людей – Земля.
Ты осилил дистанцию трудную,
Понапрасну судьбу не кляня.

Были в ней и печали, и радости,
И паденья, и новый взлет.
Невзирая на все превратности
Поступательно жизнь идет.

Пусть же сбудется все заветное,
Зазвенят голоса внучат.
Пусть поверится в самое светлое –
Ведь еще всего пятьдесят!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В ночь степную уйдя от погони,
Обагрив меч в неравном бою,
Без шелома, кольчуги и брони
Ты на землю ступаешь свою.

Позабыты и злато, и слава,
И предвзятая горечь обид...
Где престол? Где твоя Ярославна?
Терем ждет или тихий скит?

Слышишь, князь, это крест, это доля –
Чаша горькая Русской земли.
Слышишь, князь, как из русичей в поле
Маки красные густо взошли.

Слышишь, князь, жребий брошенный
вынут.
Слышишь, князь, смертный прах свой
поправ,

Поднимается снова дружина
На отчаянных вдовьих руках.

Вить над степью кровавым метелям,
Стягам буйным пылать на ветрах...
Слышишь, князь, это трубы запели,
К небу медные шеи подняв.

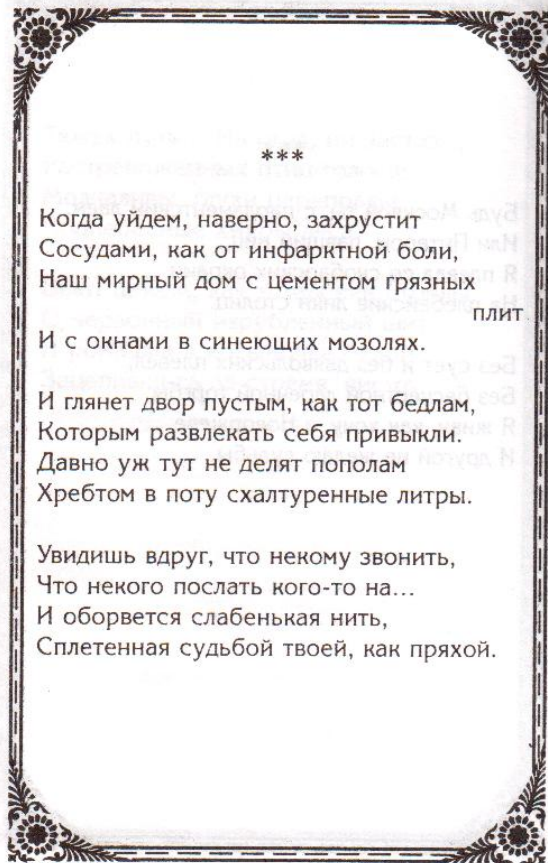
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тяжек путь... Ни огня, ни заставы,
Растревоженных птиц голоса;
Молчаливы, глухи переправы,
Поднебесные хмуры леса.

Бьют шмели, как татарские стрелы,
О червонный изрубленный щит.
И ромашка в косыночке белой,
Зацепившись за стремя, висит.

Будь Москвой ты, с парламентским лаем,
Или Питером, павшим ниц,
Я плевал со скобарских окраин
На плебейские лики столиц.

Без сует и без дьявольских плевел,
Без бесчестной ларечной торгбы
Я живу, как хочу, в Новоржеве
И другой не желаю судьбы.

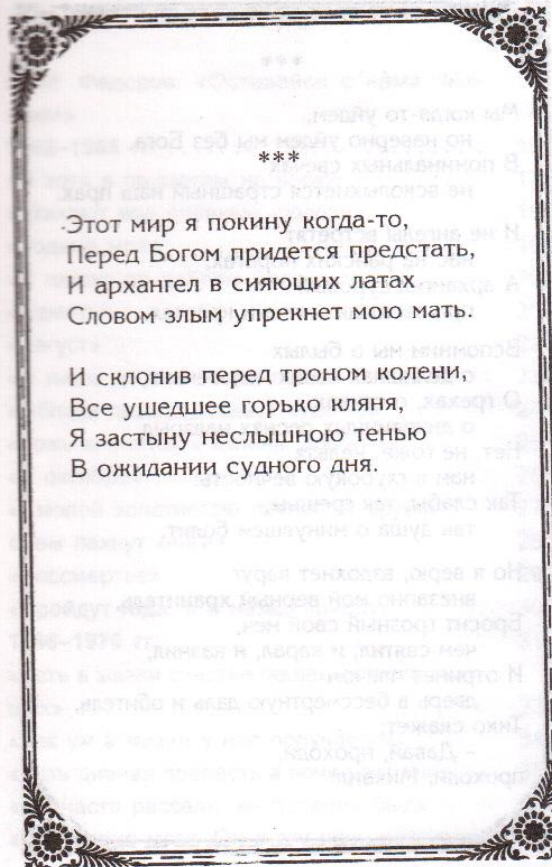

Когда уйдем, наверно, захрустит
Сосудами, как от инфарктной боли,
Наш мирный дом с цементом грязных плит

И с окнами в синеющих мозолях.

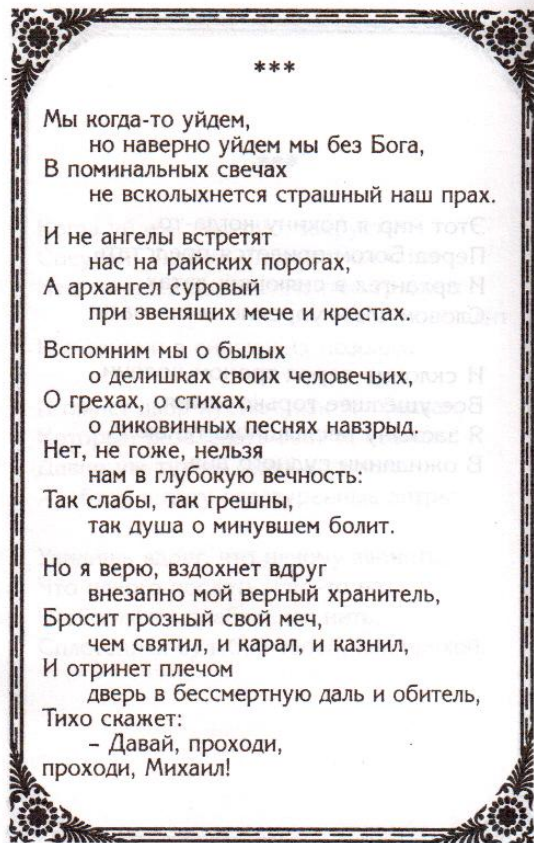
И глянет двор пустым, как тот бедлам,
Которым развлекать себя привыкли.
Давно уж тут не делают пополам
Хребтом в поту схалтуренные литры.

Увидишь вдруг, что некому звонить,
Что некого послать кого-то на...
И оборвется слабенькая нить,
Сплетенная судьбой твоей, как пряхой.

Этот мир я покину когда-то,
Перед Богом придется предстать,
И архангел в сияющих латах
Словом злым упрекнет мою мать.

И склонив перед тронем колени,
Все ушедшее горько кляня,
Я застыну неслышную тенью
В ожидании судного дня.

Мы когда-то уйдем,
но наверно уйдем мы без Бога,
В поминальных свечах
не всколыхнется страшный наш прах.

И не ангелы встретят
нас на райских порогах,
А архангел суровый
при звенящих мече и крестах.

Вспомним мы о былых
о делишках своих человеческих,
О грехах, о стихах,
о диковинных песнях навзрыд.

Нет, не гоже, нельзя
нам в глубокую вечность:

Так слабы, так грешны,
так душа о минувшем болит.

Но я верю, вздохнет вдруг
внезапно мой верный хранитель,
Бросит грозный свой меч,
чем святил, и карал, и казнил,

И отринет плечом
дверь в бессмертную даль и обитель,

Тихо скажет:
- Давай, проходи,
проходи, Михаил!

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Федоров. «Оставайся с нами, Михаил!»	4
1962–1965 гг.	15
«И хотя я приметам не верю»	17
«Утихают все дневные шорохи»	18
«Родина моя»	19
«Я шагаю по дебрям Бразилии»	20
«Память»	21
«Август»	22
«И лишь до самого рассвета»	23
«Облака плывут, плывут куда-то»	24
«Рожь клонится к колеям дороги»	25
«В октябре»	26
«Смолой золотистой пахнет от сруба»	27
«Чем пахнут книги»	28
«Бессмертье»	29
«Пройдут года, и я назад приеду»	30
1966–1970 гг.	31
«Есть в жизни счастье бешеных и страждущих»	33
«Так уж в жизни у нас получается»	34
«Есть дивная прелесть в ночи новогодней»	35
«Он часто рассеян, мечтателен был»	36
«В деревне март. Он в эту ночь пришел»	37

«Теплый вечер. Благодать»	38
«Прядет июнь над крышами заката»	39
«Полдень»	40
«Хорошо июлем знойным»	41
«Дождик»	42
«Закат»	43
«В дороге»	44
«Осеннее»	45
«Первый снег»	46
«Вьется в тесной печурке огонь»	47
«Я в трансе, аж пальцы не держат пера»	48
«У поэтов обычай древний»	49
«Глухая ночь. Застыла улиц ртуть»	50
«Небо в заплатках убогих»	51
«Смолянки»	52
«Когда в низинах плачут коростели»	53
«Я кричу тебя. Аукаю, зову»	54
«Бросало сани на раскатах»	55
«Хорошо б родиться мне художником»	56
«Звезды»	57
«О где ты, Пушкин, певец опальный?»	58
«Сердце»	59
«Русь»	60
«Во Пскове день разгульный, день престольный»	61
«Заколдованный дом»	62

108

1970–1980 гг.	63
«Ленинград зеленый и смущенный»	65
«Седой дворец. Зеркал туманных чары»	66
«Гул трамвая замрет осторожно»	67
«Берег. Кресты надмогилий»	68
«На сонных задворках»	69
«Ты уехала, писем не надо»	70
«А слова-то какие»	71
«В толчее в привокзальном скверике»	72
«Ты помнишь день в лесу под Таллином»	73
«Я в цейтноте; все сроки уплыли»	74
«В глухих колчанах гибель затаив»	75
«Загрустив о доме и о прочем»	76
«Пахнет дымом в лесу»	77
«Господи! Это ведь мета»	78
1983–1988 гг.	79
«Ахматовой»	81
«В российских избах солнечных – ручейчатые рамочки»	82
«Эх, светлейшие князья, эх, поэты-русичи!»	84
1990–1998 гг.	85
«Рядом с Пушкинским театром»	87
«За покосом с отавами росными»	88
«Бывшего лета медленный взгляд»	89
«Какая ночь! Какая в снег дорога»	90
«От прибоя, что ломит нахрапом»	91

109

«Черный тракт вдоль деревни Татищево»	92
«Сытые, довольные, нарядные»	93
«Синий стрекот стрекоз. Светлый праздник в Михайловских рощах»	94
«Новый год, куранты бьют»	95
«О, как прекрасна мутная вода»	96
«Памяти Алексея Болдина»	97
«На кардиограмме автограф лучистый»	98
«И вот июнь. Прощаться надо»	99
«Пятьдесят. Это дата круглая»	100
«Возвращение»	101
«Будь Москвой ты с парламентским лаем»	103
«Когда уйдем, наверно, захрустит»	104
«Этот мир я покину когда-то»	105
«Мы когда-то уйдем, но наверно уйдем мы без Бога»	106

100

Составитель **Н. М. Федорова**

Михаил Иванович Федоров

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Стихи

Редактор **А. А. Бологов**
Технический редактор **Е. С. Позднякова**
Корректор **Е. М. Куликова**

Сдано в набор 17.09.99 г.
Подписано в печать 27.10.99 г.
Формат 70×90^{1/32}. Объем 3,5 п. л.
Тираж 999 экз. Заказ 2916

Великолукская городская типография
Комитета по средствам массовой информации
и связям с общественностью
администрации Псковской области,
182100, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 75/12

Как мы не замечаем иногда в суете жизни ее достойных явлений. Переживаем, казним себя за слепоту, за равнодушие, за слабость воли, а поздно посыпать голову пеплом: живое, истинное, самобытное — ушло, покинуло Божий свет, и только следы его остаются нам — как требующее ответа напоминание.

Так, к сожалению, получилось с Михаилом Федоровым — одаренным поэтом, глубоко чувствовавшим свою неразрывную связь с землей, на которой родился и рос человеком чуткой души и чистой совести.

Остается радоваться, что не затерялись, не истлели втуне его прекрасные, пронзительные стихи: на родине поэта, в Новоржеве, издали книгу его стихотворений. Не сомневаюсь, что всякий, кто возьмет ее в руки и прочитает, переживет немало отрадных, поистине высоких минут...

Александр БОЛОГОВ